

— Моя вина, прости меня на первый раз, м-м? — Хань Цзин обнял Мориса, крепко прижимая его к себе. Его голос звучал ласково и вкрадчиво: он давно уяснил, что с генералом нужно действовать исключительно нежностью, а не напором.

Морис для вида нахмурился, но всё же взял лежавшую сверху книгу — «Иллюстрированное руководство по ведению сороконедельной беременности». Поворачивая, он принялся перелистывать страницы, однако читал на удивление сосредоточенно.

— Я не тебя виню, а службу доставки, — проговорил Морис. — Могли бы хоть упаковать эти книги, прежде чем посылать с коридорным. Он наверняка всё разглядел. Не удивлюсь, если завтра весь отель будет судачить о том, что я... в положении.

— Моя оплошность, — Хань Цзин мягко, словно тёплая волна, обнял его сзади и помог перевернуть страницу, открывая раздел о вредном излучении. — Я думал только о радиации. В конце концов, в книгах пишут, что любые волны так или иначе вредят ребёнку.

— Погляди вот на этот абзац... Ты так печёшься о малышке, что наверняка выкроил бы время на изучение теории, как бы ни был занят. Вот я и решил закупить бумажных книг. Будешь читать на досуге и держаться подальше от экранов — это всяко полезнее.

— Ну что, мир? — заметив, как смягчилось выражение лица Мориса, Хань Цзин прильнул к нему и виновато поцеловал в красивую щеку. — Если тебе здесь не по душе, давай сменим отель? Переберёмся в какой-нибудь первоклассный номер в Восточном секторе. Будем ближе к санаторию Берлин, тебе же удобнее навещать отца.

— Кстати, как его состояние?

— Стабильное, — Морис ненадолго задумался, наконец поделившись грызущей его тревогой. — Но врачи настоятельно просят оберегать его от любых потрясений. Так что наши отношения... Я думаю, стоит повременить. Расскажем обо всём позже, когда к отцу вернётся зрение.

— Как скажешь, я во всём полагаюсь на твой выбор, — Хань Цзин поспешил избавить партнёра от лишних терзаний. — Если твой отец решит меня отлупить или проклясть, даже не думай заступаться. Я парень крепкий, вытерплю любой нагоняй от старшего поколения. Главное — тебе нельзя волноваться, только-только самочувствие пришло в норму.

При воспоминании об их мимолётной встрече полугодичной давности Хань Цзину сделалось не по себе. Властная, подавляющая аура генерала Гранта Нормана и то, с каким непримиримым упрямством противостояли друг другу отец и сын, врезались ему в память намертво. Он всерьёз беспокоился, но не показал и виду. Вместо этого Хань Цзин с улыбкой извлёк из вороха покупок аккуратно упакованный комплект нежно-голубого защитного белья от излучения.

— Ты...?! — Морис мгновенно вспыхнул от возмущения. Этот легкомысленный оттенок совершенно ему не подходил — девичья расцветка, да и только.

Хань Цзин ожидал такой реакции. Ласково, словно укрощая рассерженного тигрёнка, он заговорил вкрадчивым тоном:

— День выдался суматошным. Я исходил всю Длинную улицу Грин, но нашёл только этот вариант. Да, цвет простодушный, зато это новейший материал Синк-III. Он гарантирует лучшую защиту от радиации, а на ощупь — тонкий и нежный, как шёлк. Наденешь под низ, накинешь сверху рубашку, и никто ничего не заметит.

Морис хмуро заколебался. Пользуясь его замешательством, Хань Цзин осмелел: прижал его поближе и принялся проворно расстёгивать пуговицы на его рубашке.

Морис на мгновение оцепенел. Мысли о ребёнке — а может, и то томительное чувство, что он уже окончательно попал под обаяние этого мужчины, — заставили его смириться. С напускной строгостью он позволил Хань Цзину застегнуть на себе бесшовный защитный комплект.

Пальцы Хань Цзина скользили по коже, которая казалась нежнее самого дорогого атласа. Золотистые пряди рассыпались по нежно-голубой ткани Синк-III. Внизу живота у Хань Цзина мгновенно вспыхнул жар. Объятия Мориса пьянили, будоража кровь и рождая непреодолимый порыв.

Морис сразу уловил эту перемену. Он вопросительно выгнул бровь, демонстрируя недовольство, но отталкивать Хань Цзина всерьёз не стал.

— Ты это нарочно подстроил? — Морис ловким, чисто армейским захватом перехватил запястья Хань Цзина и заставил того отступить.

— Ай-ай, полегче! — притворно заскулил Хань Цзин. — Не кипятись, побереги дочку!

Захват тут же ослаб. Пользуясь моментом, Хань Цзин выдохнул:

— Я правда не ожидал, что в этой вещице ты будешь выглядеть настолько соблазнительно...

— Всё, всё, молчу! — взмолился Хань Цзин, когда Морис в шутку вывернул ему руку. Оставив попытки зайти дальше, он поспешно сменил тему: — Если тебе действительно претит этот цвет, я завтра же поищу другой комплект.

— Хотя живот сейчас начнёт расти быстро, так что и эту одежду ты проносишь от силы пару недель, — не удержался Хань Цзин от лукавой шпильки.

— Думаешь, я твоих грязных мыслей не вижу? — фыркнул Морис, отпуская его. Он накинул свободную рубашку, но шелковистое защитное бельё снимать не стал — чувство тяжести внизу живота действительно ушло. Захватив книгу, Морис устроился на диване, позволяя Хань Цзину подложить ему под поясницу мягкую подушку.

Вглядываясь в схемы развития плода, Морис невольно нахмурился. Вопросы, которые они обсуждали до этого, вновь не давали ему покоя.

После пятого месяца ребёнок начнёт развиваться стремительно. Пройдёт недели две, и скрывать беременность станет попросту невозможно.

А у них до сих пор нет собственного жилья...

Приняв из рук Хань Цзина стакан тёплого молока, Морис задумчиво коснулся заметно округлившейся талии.

— Живот растёт не по дням, а по часам. Ютиться по отелям — плохая затея. Что там с домами, которые ты присматривал днём? Нашёл что-нибудь стоящее?

— Понимаю, что время поджидает, — Хань Цзин немного помедлил. — Есть один отличный вариант в тихой южной части района Эрато. Погляди, как тебе такой европейский стиль?

Хань Цзин придвинул планшет и вывел на экран подробное описание объекта.

— Площадь — восемьсот квадратных метров. Территория закрытая, высокий забор, во дворе растут вековые сосны и кипарисы...

— Посмотри на спальню: кровать с балдахином, просто шикарная. И терраса с термальным бассейном...

Морис согласно кивнул. В отличие от Хань Цзина, выбиравшего спальню для двоих, он внимательно изучал планировку остальных комнат, присматривая подходящую детскую для будущей дочери.

— Выглядит неплохо. Какова цена? Можем пока остановиться здесь, а если разонравится — со временем подберём что-то другое, — Морис, привыкший к роскоши, вилле особо не удивился.

— Стартовая цена на аукционе — четыре миллиона восемьсот тысяч, — Хань Цзин замялся и неловко нахмурился. — Морис, ты и так многим пожертвовал ради меня. Поэтому... в этот раз я бы хотел взять всё на себя. Купить наш дом на собственные деньги.

— Но я устроился на работу недавно и пока не скопил на первоначальный взнос. Я думаю попросить помощи у отца. Что скажешь? — Хань Цзин крепко сжал его ладонь. Он говорил открыто и искренне: доверие в их отношениях значило для него гораздо больше, чем уязвлённое мужское самолюбие.

— Я знаю, как тебе непросто... — Морис пристально посмотрел на него. Его тон потеплел, хотя

в нём всё ещё проскальзывали привычные командирские интонации. — На самом деле ты невероятно талантлив. Окончил лучший университет мира, защитил докторскую степень и сразу попал в престижнейший математический институт С. Ф. Пускай обыватели болтают, будто это я снизошёл до жизни с тобой, но я-то прекрасно знаю, от скольких возможностей ради меня отказался ты сам.

— Не будь меня, ты стал бы идеальной партией для любой женщины. Заботливый, надёжный, с отличным доходом. Твоего годового оклада наверняка хватит, чтобы безбедно содержать среднюю семью?

— Да, со всеми бонусами и надбавками выходит около трёхсот пятидесяти тысяч в год, — растерянно ответил Хань Цзин. Он впервые слышал от Мориса столь сокровенные признания и выдал всю подноготную о своих финансах не задумываясь.

Морис слегка улыбнулся:

— Вот видишь, солидный доход высококлассного специалиста. Научная деятельность — респектабельная, стабильная профессия. И такого завидного жениха прибрал к рукам я. Так кто из нас обделён?

Хань Цзин понимал, что Морис просто пытается приободрить его, но его всё равно захлестнула щемящая нежность. Не найдя нужных слов, он решил действовать самым прямым путём.

Поддавшись порыву, он достал свои банковские карты и открыл приложение с личными счетами.

Морис послушно забрал протянутый пластик, поудобнее устроился в объятиях Хань Цзина и застучал пальцами по клавиатуре планшета.

— Поделим сумму пополам. Я не изнеженная барышня, чтобы сидеть у тебя на шее, — Морис вошёл в свой банковский аккаунт.

Глядя на бесконечный ряд нулей на счетах и умопомрачительный размер генеральского оклада, Хань Цзин почувствовал себя нищим.

«Да он же у меня настоящая машина по зарабатыванию денег!»

— Мой взнос — половина стоимости наличными. Вторую часть ты оформишь в ипотеку и будешь выплачивать сам, — Морис игриво покрутил в пальцах зарплатную карту Хань Цзина. — Ну а расходы на дочку и быт поделим так, как посчитаешь нужным. Что скажешь?

Бережа мужское самолюбие партнёра, Морис деликатно пошёл на компромисс.

Хань Цзин крепче прижал его к себе и рассмеялся:

— У нас, на Востоке, принято слушаться жену. Так что все карты торжественно вручаю своей половинке. Распоряжайся бюджетом, а мне оставляй на карманные расходы да на еду — большего не надо.

— Я тебе не жена... — Морис нахмурился, и улыбка мгновенно сошла с его лица.

— Не жена? А в животе у тебя тогда чей ребёнок? — без задней мысли отшутился Хань Цзин.

Однако Морис повернулся к нему, и на его красивом лице отразилась непривычная суровость.

— Я вынашиваю твою дочь и всем сердцем люблю тебя. Но я по-прежнему остаюсь Морисом Норманом, четырёхзвёздным генералом. И мне претят эти слащавые прозвища, которыми обычно награждают женщин.

— Я полюбил тебя, Хань Цзин. Но ни на далёкой планете Нордик, ни здесь, на Земле, я не нуждаюсь в опеке. Мне нужны равные, честные отношения, где мы делим жизнь плечом к плечу. Перестань относиться ко мне как к слабой женщине и трястись над каждым моим шагом, — Морис коснулся ладонью его щеки, глядя прямо в глаза — строго и решительно.

— Я... я просто хотел, чтобы ты был счастлив... — Хань Цзин растерялся. Не скажи Морис об этом прямо, он бы и не задумался. Ему хотелось окружить любимого абсолютной заботой, но подсознательно он действительно относился к нему как к хрупкой супруге. Оказалось, эта навязчивая опека лишь задевала гордость генерала, а сам Хань Цзин упустил из виду множество важных мелочей.

Заметив досаду на лице Хань Цзина, Морис мягко улыбнулся. Он взял его руку и прижал к своему животу, в котором чувствовалась лёгкая тянущая боль.

— Чувствуешь? Кажется, она сегодня разбушевалась, — уводя разговор в сторону, тихо произнёс Морис. — Ты связывался с Марко? Что он говорит?

— Марко уверяет, что беспокоиться не о чем. Активные толчки — это хороший знак, — Хань Цзин отбросил лишние мысли и принялся бережно массировать его поясницу и живот. — Так лучше? Потерпи немного. На выходных Марко приедет в Эвиду. Он записал нас на приём на воскресенье.

По настоянию Мориса тем же вечером они переехали. Отель Сиринкс находился в престижном Восточном секторе Эвиду — всего в шести километрах от санатория Берлин.

Выходные выдались погожими и солнечными, но Морис не находил себе места. Вчера он до глубокой ночи улаживал дела с передачей командования и вопросами, связанными с Симо, а

теперь его изнутри подтачивала глухая тревога. При мысли о предстоящем осмотре его красивое лицо омрачалось тенью беспокойства.

Выходя из номера, Морис мгновенно преображался, вновь становясь тем самым холодным, неприступным генералом, чей вид внушал трепет. И лишь когда он смотрел на Хань Цзина, в глубине его синих глаз вспыхивали ласковые искорки.

— Тебе не понравился Телос, который я забронировал для тебя в салоне? — спросил Морис, едва устроившись на пассажирском сиденье новенького автомобиля.

— «Телос» — отличная машина, но мне привычнее практичный «Кадиллор», — ответил Хань Цзин. Он достал нож и ловко разрезал пополам спелый лимон. Как некогда во время их отдыха в Юрике, салон тут же наполнился бодрящим цитрусовым ароматом. Напряжение на лице Мориса спало, а утренняя тошнота отступила.

— О такой модели я мечтал давно. И только после назначения на Базу № 9 сумел скопить нужную сумму.

— Купил на свои сбережения?

— Цена у него вполне подъёмная. К тому же среди автомобилей среднего класса у него лучшее соотношение цены и качества. Благодаря новой технологии Суро он без труда разгоняется до пятисот километров в час.

Хань Цзин подбирал слова очень мягко, но Морис всё равно расслышал в его голосе упрямую гордость.

Морис молча кивнул, решив больше не поднимать тему с покупкой машины. Разумеется, роскошные модели Телос, которые он присмотрел для Хань Цзина, превосходили скромный «Кадиллор» по всем статьям. Но тот отказался от дорогого подарка. В глубине души Хань Цзин оставался предельно независимым и не желал жить за чужой счёт. Напротив, он изо всех сил стремился сам стать для Мориса надёжной опорой.

Морису ещё только предстояло привыкнуть к тому, что его оберегают. Погрузившись в эти мысли, он инстинктивно прикрыл ладонью живот — в этом жесте сквозила неосознанная тревога.

— Не переживай, всё пройдёт отлично. Перед выездом на капот села сорока, а у нас на Востоке верят, что это к добрым вестям, — перед тем как завести двигатель, Хань Цзин накрыл своей ладонью руку Мориса, бережно согревая её прямо над тем местом, где зарождалась новая жизнь.

Предзнаменование и впрямь не подвело: всю дорогу до больницы Святого Винсента их

сопровождало яркое солнце. Его лучи пробивались сквозь листву придорожных ясеней и мягко ложились на лицо Мориса. Тревога понемногу отпускала его, а набежавшая на лоб складка разгладилась.

Больница Святого Винсента по праву считалась одним из лучших медицинских учреждений мира, оснащённым по последнему слову техники. Марко числился здесь ведущим специалистом, хотя из-за службы на правительство его практика носила скорее формальный характер: в больнице он появлялся лишь несколько раз в месяц.

Кабинет, где их ждал Марко, располагался в отделении акушерства и гинекологии. И пускай для визита выделили служебный коридор, им всё равно пришлось пройти мимо общего зала ожидания, где толпился народ.

Сквозь едкий запах антисептика Морис вдруг заметил беременного мужчину на сносках. Тот шёл на удивление неуклюже, поддерживая руками огромный округлый живот и тяжело опираясь на плечо своего спутника. Из-за внушительных габаритов бедняге приходилось неестественно широко расставлять ноги, отчего его походка выглядела совершенно нелепо.

Морис переменился в лице. Он представил себя на месте этого человека через пару месяцев.

«Неужели меня ждёт то же самое? Неужели я лишусь армейской выправки и буду выглядеть столь же нелепо?»

Эта мысль больно ударила по его гордости.

Марко ждал их в кабинете. Его высокая, статная фигура замерла у окна, длинные золотистые волосы были небрежно заколоты простым карандашом. Он задумчиво всматривался в пейзаж за стеклом, и в его изумрудных глазах застыла глубокая печаль.

Услышав негромкий стук в дверь, Марко обернулся. Мрачные думы тут же рассеялись, уступив место его привычной ленивой полуулыбке.

— Что-то стряслось? — негромкий вопрос Марко заставил вошедшего следом Хань Цзина вздрогнуть от удивления.

Сам Хань Цзин не заметил в поведении Мориса ничего странного: тот выглядел абсолютно спокойным, его красивое лицо казалось бесстрастной маской, а в синих глазах не отражалось ни единой эмоции.

Тем не менее Морис едва заметно нахмурился и сухо обронил:

— Всё в порядке.

— Вот как? — Марко понимающе усмехнулся и жестом пригласил Мориса лечь на кушетку рядом со сканером. — Здесь установлены передовые системы диагностики. Парочку аппаратов мне пришлось выбивать лично, так что в кабинете немного тесновато. Прямо как в коридоре за дверью, где томятся будущие мамочки и папаши.

— Обратил на них внимание?

Морис промолчал, лишь слегка напрягся, когда Марко приподнял край его рубашки и нанёс на открытую кожу прохладный прозрачный гель.

— Заметил, как они светятся изнутри? Это искреннее, неподдельное счастье... — Марко говорил небрежно, но его слова били точно в цель, словно он читал мысли Мориса как открытую книгу. — Когда моя племянница подрастёт и начнёт всю пихаться, вытягивая крошечные ручки и ножки, ты вспомнишь мои слова.

— Любые тревоги и глупые сомнения растают без следа. Ты поймёшь, что ради этого чуда готов вытерпеть всё что угодно, — Марко прислонил датчик к его животу и начал медленно водить им по коже. На мониторе проступили очертания крошечной головки и свернувшегося калачиком тельца. Можно было даже разглядеть крохотные пальчики на руках и ногах.

Морис затаил дыхание, не в силах отвести взгляд от экрана. Малышка была такой крошечной...

Во время прошлого приступа, когда дикая боль туманила разум, он едва ли что-то запомнил — всё пронеслось как в полубреду.

И только сейчас Морис по-настоящему, впервые увидел своего ребёнка. Свою ещё не родившуюся дочь.

При виде этих крохотных ручек и беззащитно подогнутых ножек в груди у него что-то сладко заныло. В этот миг до него наконец дошёл глубокий смысл слов Марко.

Заметив, что Морис порывается приподняться, Хань Цзин бережно, но крепко обнял его за плечи. Его собственное сердце бешено колотилось от переполнявших чувств; он во все глаза смотрел на мерцающий силуэт на экране, боясь пропустить малейшее движение.

— Стенки матки в идеальном состоянии, показатели сердцебиения стабильные и чёткие. Беременность протекает без малейших отклонений, угрозы нет, — Марко изучил графики на приборной панели, после чего обернулся и с лукавой усмешкой посмотрел на Хань Цзина: — А теперь мне нужно провести более детальный осмотр. Попрошу будущего отца подождать за дверью.

Только-только Хань Цзин перевёл дух, как его бесцеремонно выставили вон. В душе поднялась волна глухого раздражения. Он не сомневался: Марко делает это нарочно, просто чтобы

поиздеваться над ним! Стоит этому доктору появиться рядом, как Хань Цзину затыкают рот, лишая возможности сказать Морису хоть слово поддержки. Тот вечно прикрывается своим врачебным статусом, беспардонно вмешиваясь в их личное пространство.

Хань Цзин упрямо остался на месте, продолжая крепко держать Мориса за руку.

Марко, предвидевший такой исход, хладнокровно протянул ему брошюру в глянцевой обложке:

— Здесь подробно расписан протокол ведения беременности. Если есть возражения — изучи на досуге. Я официально устроен в больнице Святого Винсента и нарушать внутренний регламент не намерен.

Хань Цзину снова пришлось уступить.

Заметив его досаду, Морис слегка приподнялся на локтях. В его тихом голосе прозвучала редкая, но несомненная нежность:

— Подожди меня в коридоре. Это не займёт много времени.

Едва за Хань Цзином закрылась дверь, Морис опустил обратно на кушетку и смерил Марко пронизывающим взглядом.

— Тебе не кажется, что ты к нему излишне придирчив?

— Если парень пасует перед такими пустяками, то и грош цена его чувствам, — Марко, не поворачивая головы, вытащил карандаш из волос, отчего золотистый каскад рассыпался по его плечам, и размашисто зашуршал грифелем по бумаге в медицинской карте.

<http://bllate.org/book/19677/2006468>